

Liber CXLVIII Soldier and the hunchback

Солдат и Горбун:! и?

Жди семь бед от хромого,
сорок две от одноглазого,
но, встретив горбуна, молись Аллаху!

Арабская пословица

I

Исследование. В первую очередь выясним: что такое Скептицизм? Это слово означает рассмотрение, сомнение, исследование. С презрением следует отнести к толкованию христианских лжецов, которые трактуют слово «скептик» как «насмешник»; хотя в некотором смысле это справедливо для них, ведь углубляться в христианство, – несомненно, означает насмехаться над ним. Однако я намерен усилить этимологическую коннотацию в некоторых аспектах. Во-первых, я не считаю, что обычная недоверчивость входит в рамки данного понятия, но и легкое верие несовместимо с ним. Недоверчивость подразумевает предубеждение в пользу негативного вывода, а истинный скептик должен быть совершенно беспристрастен.

Во-вторых, я исключаю понятие "врожденного скептицизма". На вопрос: "Что хорошего во всем?" ожидается (как мы узнавали о "ничего"?) ответ: "Да ничего!", который также является предвзятым.

Лень – отнюдь не достоинство в ищущем. Жажда знания, сосредоточенность, концентрированность, внимательность – все это я включаю в значение слова «скептик». Тот подход, который я назвал "врожденным скептицизмом", всего лишь способ избежать истинного вопрошания, и является, потому, его антитезой, это – дьявол, притворившийся ангелом света.

[Или *visa versa*, мой друг, если ты – сатанист; все это слова-слова-слова. Можешь вписать X вместо Y в своих уравнениях, если ты систематично пишешь Y вместо X. Они остаются неизменными – и нерешенными. Разве не является наше «знание» примером вот такого заблуждения, когда одно неизвестное заменяешь другим, а потом кукарекаешь петухом].

Я рисую себе истинного скептика как человека жаждущего и внимающего, его умные глаза сверкают, словно острые лезвия, его руки напряжены, и он спрашивает: "Что это значит?"

Я рисую себе ложного скептика – прощельгу или тупицу, зевающего, с тусклыми глазами и бессильными мышцами, его цель – задавать вопросы, но, по сути своей, это – лишь безделье и тупость.

Истинный скептик – это человек с научным подходом, как в "Докторе Моро" Уэллса. Он нашел несколько вариантов ответа на свой главный вопрос, но этот ответ – еще один вопрос. И в самом деле, очень трудно представить себе вопрос, ответ на который не подразумевает еще тысячу других вопросов. Даже такая простая задача: "Почему сахар сладкий?" предполагает бесконечные физиологические исследования, результат которых, в конечном счете, приводит в тупик: Что такое разум?

Даже так, взаимосвязь между этими двумя понятиями невозможно

представить, причинность сама по себе невысказана; с одной стороны, она зависит от опыта – но, Господи, что же такое опыт? Опыт невозможен без памяти. Что есть память? Цемент для здания храма эго, а впечатления – кирпичи для него. А эго? Совокупность нашего опыта, быть может. (Сомневаюсь!) В любом случае, есть ли у нас значения Y и Z вместо X, или значения X и Z вместо Y, – все наши уравнения не определены; все наши знания относительно, в еще более узком смысле, чем обычно мы вкладываем в это выражение. Под кнутом Бога-клоуна наши ослы-философы и ученые нарезают круги по арене, проделывают веселые трюки – ведь они хорошо выдрессированы; но это все ни к чему не приводит.

Да и сам я, кажется, ни к чему не пришел.

II

Попробуем заново. Попытаемся понять самое простое и самое конкретное из всех возможных утверждений. "Мысль существует", или, если хотите, *Cogitatur* [думается].

Декарт предполагал, что приблизился к сути дела своим утверждением "*Cogito, ergo Sum*".

Хаксли отметил сложную природу этого посыла, и то, что он является энтимемой, предпосылкой "*Omnia sunt, Qui Cogitant*". Он сократил его до "*Cogito*", или же, дабы избежать необъективности, связанной с определением эго, придал ему вид "*Cogitatur*".

Рассматривая это утверждение более тщательно, все же можно придраться к его формулировке. Его невозможно перевести на английский язык, без использования глагола быть (to be), поэтому, в любом случае, подразумевается существование (бытие). И не стоит представлять, что пренебрежительное молчание – достаточно полный ответ на следующий вопрос: "Кто думает?" (Кем это думается?). Буддист может с легкостью представить действие без субъекта действия; но я не столь умен. Это же может представить себе и здравомыслящий человек, но хотелось бы пристальнее изучить его разум, прежде чем сделать окончательный вывод. Несмотря на чисто формальные возражения, мы продолжаем задаваться вопросом: верно ли утверждение *Cogitatur* ?

Да, ответят самые умные; ведь отрицание его подразумевает, собственно, мысль; "*Negatur*" является лишь подразделом "*Cogitatur*".

Однако, сюда можно отнести аксиому о том, что сущность части тождественна сущности целого, или (по крайней мере) аксиому "А является А".

Я, конечно, не отрицаю, что А является А, или может случайно оказаться А. Но на самом деле, "А является А" слишком далеко от нашего исходного "*Cogitatur*".

Короче говоря, доказывая "*Cogitatur*", мы основываемся не на нем самом, а на действительности логики; и если под логикой мы подразумеваем (должны подразумевать) Кодекс Законов Мышления, у раздраженного скептика появится очень много замечаний: ибо, оказывается, доказательство того, что мысль существует, зависит от того, что это за мысль, а то и еще чего-нибудь более.

Взяв *Cogitatur*, мы попытались избежать использования *esse*; но уже "А является А" включает в себя этот глагол, поэтому доказательство оказывается неизбежно недействительным.

Cogitatur зависит от *Est*, и этого не отменишь.

III

Продвинемся ли мы вперед, если разберем *Est* – что-то есть – бытие есть – ?

Что такое бытие? Сей вопрос настолько фундаментален, что не имеет ответа. Самое глубокое размышление приведет лишь к разочарованию от бессилия. Слово разум, осмысливающий Бытие, не имеет простого рационального понятия для него.

Конечно, можно утопить вопрос в море определений, которые приведут к еще большей запутанности, но фразы типа:

"Бытие – это дар Божественного провидения"

"Бытие противостоит небытию"

нам мало помогут!

Незамысловатое иудейское "Бытие есть Бытие" ещё более усложняет вопрос. Самое скептическое из утверждений, несмотря на формулировку. Бытие – это просто Бытие, этим все сказано, и не стоит более разглагольствовать по этому поводу! Ах, но об этом можно еще много чего сказать! Мы часто ищем мысль, подходящую к слову, но терпим неудачу, в то время как Беркли приводит абсолютно убедительный аргумент о том, что бытие должно означать "мыслящее бытие" или "духовное бытие".

И здесь мы находим наше "*Est*" в сочетании с "*Cogitatur*"; аргументы Беркли оказываются "неопровержимыми, но неубедительными" (Юм), так как "*Cogitatur*", как мы увидели выше, подразумевает "*Est*".

Эти идеи непросты, и каждая влечет за собой следующую. Не является ли разногласие между ними в нашем мозгу доказательством полной недееспособности этого органа, или, может, это – пробел в нашей логике? Ибо все зависит от логики, не просто от истинности утверждения "А есть А", но от целостной структуры логики: от простых утверждений, превращающихся в чрезвычайно трудные в момент, когда они приходят на ум отвратительному гению, который изобрел "экзистенциальный выбор" для изучения этого вопроса, до более сложных и противоречивых силлогизмов.

IV

Вывод "Мысль существует" (в худшем случае, в виде отрицания) появляется из посылок:

Мысль отрицаема.

(Любая) отрицаемая мысль есть мысль.

Даже формально это нелепая чепуха. По существу, он включает в себя круг понятий более широкий, чем наше первоначальное утверждение. Мы пытаемся соединить небо и землю в силлогизм, который вдесятеро таинственнее, чем мы сами.

Невозможно полностью охватить проблему действенности силлогизма (как часть вопроса о действенности логики), хотя кто-нибудь может намекнуть, что учение распределяемой середины включает знание исчисления Бесконечностей, что значительно выше моих скудных возможностей, и едва доступно простому размышлению о том, что вся математика условна, несущественна, приближительна и не абсолютна.

Так, мы все углубляемся от единичного к множественному. Наше

первоначальное утверждение не основывается более на самом себе, но на целом комплексе сущности человека, несчастного, спорящего, бестолкового человека! Человека со всей его ограниченностью и невежеством, человека – человека!

V

Легче, конечно, не становится, если мы начинаем исследовать Множественное, разделяя элементы, или рассматривая их в совокупности. Они пересекаются и расходятся, и каждый новый уровень знаний открывает необозримые просторы неисследованного; каждое увеличение мощности наших телескопов открывает новые галактики, каждое усовершенствование наших микроскопов показывает нам жизнь все более мелкую и необъяснимую. Тайна громадных пространств между молекулами; тайна эфирных прослоек между звездами, которые удерживают их от столкновения. Тайна полноты вещей; тайна пустоты вещей! Так, по мере нашего рассуждения усиливается чувство, инстинкт, предвидение – как бы это назвать? – что Бытие есть единица, что Мысль есть единица, что Закон есть единица, и так до тех пор, пока мы не спросим – что такое единица. И снова замкнутый круг, мы играем в слова-слова-слова. И нет ни единого вопроса, на который можно было бы найти хотя бы приблизительный ответ.

Из чего сделана Луна?

Наука отвечает: "Из зеленого сыра!"

Для этой единицы «луны» у нас есть две идеи: Зелености и Сыра.

Зеленость зависит от освещенности, глаза и еще от тысячи различных условий.

Сыр зависит от бактерий, ферментации и породы коровы.

"Глубже, еще глубже, в самую суть вещей!"

Разрубим ли мы Гордиев узел? Скажем ли: "Есть Бог"?

И что же такое, черт побери, Бог?

Если, подобно Моисею, мы изобразим его как старца, повернувшегося к нам спиной, кто обвинит нас? Ведь сам великий Вопрос (а велик всякий Вопрос!) трактуется нами слишком бесцеремонно – так склонен думать разочарованный скептик.

Итак, опишем ли мы его как любящего отца, как ревностного жреца, как вспышку света под святой аркой? Что все это значит? Все эти образы – дерево и камень, дерево и камень наших тупых мозгов. Отцовство Бога – всего лишь образ, являющийся частью человеческой жизни и почерпнутый людьми оттуда; идея отца человеческого соединилась с идеей необъятности. Опять вместо Одного Два!

Никакая комбинация мыслей не может превзойти измышляющий ее мозг. Все, что мы можем подумать о Боге или сказать о Нем – насколько наши слова реально представляют мысли – гораздо меньше, чем мозг, который это измыслил и облек в слова.

Очень хорошо; продолжим ли мы отрицать наличие у Бога всех мыслимых качеств, как сделал бы язычник? Все чего мы достигаем – простое отрицание мысли.

Или он непознаваем, или он меньше, чем мы. Тогда, соответственно, то, что непознаваемо – неизвестно; и утверждения «Бог» или "Бог существует", как ответ на наш вопрос, становятся бессмысленными, как и любые другие.

И кто же мы теперь? Мы Спенсерианские Агностики, несчастные глупцы,

жалкие Спенсерианские Агностики.

И на этом вопрос закрывается.

VI

Конечно, настало время усомниться в достоверности некоторых наших данных. До сих пор наш скептицизм не только разбил на кусочки башню наших мыслей, но и уничтожил фундаментальный камень, поместив его в более густую и ядовитую пыль, чем та, в которую Моисей бросил тельца. Эти золотые Элохим! Наши телячьи головы, которые не только не вывели нас из Египта, но и завели во тьму, более глубокую и запутанную, чем любая тьма двойной Империи Осириса.

Юм адресовал свой? к Богу Беркли –!; А Будда свой? к Ведическому Атману –!; и ни Юм, ни Будда не отказались от своего вознаграждения. К кому можем обратиться мы сами? К самим себе? Поскольку мы не нашли никого, к кому можно было бы обратиться; и не будет ли забавно, если наш подопечный? неожиданно распрямит спину, выпятит грудь и не двинется вперёд словно!?

Полагаю, тогда мы примем наш скептицизм разрушающим корни и ветви нашего познания – неужели нет предела его воздействию? Неужели он, в некотором смысле, не выставляет себя в смешном виде? Разрушив логику логикой – если Сатана изгонит Сатану, то как устоит его королевство? Давайте взойдём на Гору, мы – Спасители Мира, который мы суть, и ответим «Изыди, Сатана!» однако воздерживаясь от цитирования текстов или приведения доводов.

Ого! Скажет кто-то; Здесь объявился Алистер Кроули? – ослепленный и порабощенный Самсон, молотящий зерно для филистимлян!

Вовсе нет, мой мальчик!

Мы зададим все вопросы, которые мы можем задать – но мы можем обнаружить башню, построенную на скале, о которую ветры бьются впустую.

Не то, что христиане называют верой, будьте уверены! А то, что (возможно) создатели писаний – те выдающиеся мистики – подразумевали под верой. То, что я называю Самадхи и поскольку «вера без деяний мертва», то друзья мои, Самадхи – абсолютная чушь до тех пор, пока практик не продемонстрирует сияние золота своими деяниями в мире. Если ваш мистик становится Данте – хорошо; если Теннисоном – его откровения ничего не стоят!

Но как же эта башня Самадхи выдерживает атаку времен сомнений?

Не является ли идея Самадхи, просто-напросто, такой же зависимой от всех остальных идей – человек, время, бытие, мысль, логика? Если я стараюсь объяснить Самадхи путём аналогии, не оказывается ли зачастую, что я говорю так, как будто мы знали всё об Эволюции, Математике и Истории? Сложные и ненаучные исследования – просто соломинки перед ударом нашего горбатого друга!

Итак, один из устоев – всего лишь незначительный случай здравого смысла.

На днях я был у Дороти и, как мне глупо показалось, очень мило: поскольку её сэндвичи славные. Несомненно, вмешательство со стороны Отца Бернарда Вогана (Father Bernard Vaughan) и Доктора Тори (Dr. Torrey), и Ананды Меттея (Ananda Metteyya), и Мистера Г.В. Фута (Mr. G. W. Foote), и Капитана Фулера (Captain Fuller), и духа Иммануила Канта (Immanuel Kant), и Мистера Бернарда Шоу (Mr. Bernard Shaw), и юного Нойбурга (Neuburg) было

проявлением дурного тона. Но, тем не менее, они вторглись и высказались! Я никогда ничего подобного не слышал. Каждый выражал свою точку зрения; но все они сошлись на том, что Дороти не существует, или, если она и существует, то является наиболее ужасным представителем, что её булочки чёрствые, и её чай несвежий; «посему» я очень дурно провёл время. Скажите-ка! Милостивый Боже! Но Дороти сохраняла спокойствие и не обращала внимания, и, в конце концов, я забыл о них.

Обдумывая происшедшее на трезвую голову, я понимаю, что очень вероятно они были правы: я не могу доказать обратного. Но просто как практик, я намереваюсь направить свой паролод – за мои грехи я нахожусь сейчас в Гибралтаре – обратно к Дороти в самый ближайший подходящий момент. Сэндвичи из сдобных булок и немецких сосисок, возможно, вульгарны и являются только фантазией – но именно этот вкус мне и нравится. И чем дольше я жую, – тем больше удовлетворения я получаю, до тех пор, пока я не зайду настолько далеко, чтобы предложить перекусить моим критикам.

Это звучит подобно как «Внутреннее Несомненно», произносимое заурядным Христианином; но есть и отличия.

Христианин настаивает на том, чтобы наглая ложь была принята в качестве неотъемлемой составляющей его (чаще её) системы; я же, напротив, запрашиваю факты, наблюдения. При скептическом подходе, верно, некто один представляет собой такой же карточный домик, как и некто другой; но только в философском смысле.

Практически, Наука истинна, а Вера глупа.

Практически, $3 \times 1 = 3$ – истина; и $3 \times 1 = 1$ – ложь; однако, скептически, оба утверждения могут быть неверными и нечёткими.

Практически, метод Франклина добычи огня с небес лучше, чем метод, предложенный Прометеем или Илией. Я сейчас пишу при свете, который используют люди, благодаря открытию Франклина.

Практически, «Я сконцентрировал своё сознание на белом излучающем свет треугольнике, центром которого был светящийся глаз, в течение 22 минут и 10 секунд моё внимание рассеивалось 45 раз», – это научное и весомое утверждение. «Я ревностно молился Господу в течение многих дней» означает что угодно или ничего. Тот, кого это интересует, может повторить мой эксперимент и сравнить свои результаты с моими. В последнем случае постоянно будет возникать вопрос, что означало «ревностно», кто был «Господь» и сколько дней составило «много».

Мои просьбы также скромнее, чем у христиан. Он (обычно она) знает больше о моём будущем, чем вообще приятно, я абсолютно ничего не требую от моего Самадхи – я только слишком хорошо знаю бесполезность односторонних наблюдений, даже такой простой вещи, как определение точки кипения! – и что касается его (обычно её) будущего, я довольствуюсь просто здравым смыслом относительно возможной кончины глупца.

Так что, несмотря ни на что, я не трогаю свой скептицизм – и я не трогаю своего Самадхи. Один уравнивает другого, меня не волнует вульгарная брань этих двух порождений моего сознания!

VII

Если, однако, Вам действительно хотелось бы знать, что можно сказать по поводу солдатского вопроса, я постараюсь оказать Вам услугу.

Необходимо, если чётко обозначить вопрос, чтобы истец стал на тот же уровень, что и подсудимый.

Ответ невозможен, если Вы спросите: «Круглые квадраты треугольные? Или Масло – это добродетель? Или Сколько унций содержится в шиллинге? Поскольку на самом деле это вообще не вопросы.

Поэтому, если вы спросите меня реально ли Самадхи, я отвечу: во-первых, я настоятельно попрошу Вас установить связь между терминами. Что Вы имеете в виду под Самадхи?

Существует физиологическое (или патологическое, не принимайте это сейчас во внимание) состояние, которое я называю Самадхи; и это состояние такое же реальное – по отношению к человеку – как сон, отравление или смерть.

Философски мы можем усомниться в существовании всего этого; но у нас нет оснований игнорировать. Академический Скептицизм это фирма, занимающаяся оптовой торговлей, я надеюсь! – а на практике я предлагаю Вам обоснованно разграничить понятия.

Всё это состояния человеческого сознания, и если вы стремитесь разрушить одно из этих состояний, погублены будут все.

VIII

Рискуя отклониться от предмета, я вынужден настоять на определении различий между философской и практической точками зрения или (выражаясь Кабалистическим языком) – между понятиями Кетер и Малкут. В частной беседе я нахожу это сложным – почти невозможным – донести до людей то, что мне кажется таким простым. Я постараюсь сделать это предельно ясным.

Ботинок – это иллюзия.

Шляпа – это иллюзия.

Следовательно, – ботинок – это шляпа.

Так возражают мои друзья, не определяя средний термин.

Но я утверждаю так:

Следовательно, – (хотя это и не силлогизм), все ботинки и шляпы – иллюзии.

Я добавлю:

Для человека в Кетер иллюзии не имеют значения.

Следовательно, – Для человека в Кетер не имеют значения ни ботинки, ни шляпы.

Фактически человек в Кетер не вступает ни в какие отношения с этими ботинками и шляпами.

Ты, говорят они, претендуешь быть человеком в Кетер (я на самом деле не претендую). Почему же тогда ты не надеваешь ботинки на голову и шляпы – на ноги?

Я могу лишь ответить, что, будучи человеком в Кетер (это ни что иное, как аргумент), не состою ни в каких отношениях равно как с ногами и головами, так и с ботинками и шляпами. И с какой стати стану я (со своей высоты) наклоняться и беспокоить этими радикальными переменами в туалете джентльмена в Малкут с головой и ногами, который, в конце концов, для меня не существует? Я мог бы легко надеть ботинки ему на плечи, голову – на одну ногу и шляпу – на другую.

Короче, почему бы не быть праведным ирландским джентльменом, даже если у вас имеются безумные идеи по поводу мироздания?

Очень хорошо, говорят мои друзья без тени смущения, тогда почему бы этого не придерживаться? К чему прославлять испанских цыган, если вы женились на дочери священника?

Зачем заявлять, что вы можете настолько же хорошо повеселиться за 18 пенсов, насколько обычный человек повеселится за огромную сумму денег? Ах! Позвольте мне представить вас господину из Тиферет; это тот самый господин, который пытается возвысить своё сознание от Малкут до Кетер. Этот господин из Тиферет находится в дьявольской дыре! Теоретически он знает всё о точке зрения Кетер, и практически всё о точке зрения Малкут. В результате чего он начинает противоречить Малкут; он отказывается позволить Малкут завладеть его мыслями. Он продолжает объявлять во всеулышание, что нет разницы между козлом и Богом в надежде гипнотически навязать себе (как и было) восприятие их идентичности, что является его собственной (предвзятой и неверной) идеей о том, как выглядят вещи с позиции Кетер.

Этот господин творит великие чудеса; сильнодействующее врачевание. Он, действительно, находит золото в куче навоза и скелеты в телах красивых девушек.

В Абиэгне – Святой Горе Розенкрейцеров, послушник не обнаруживает ничего, кроме гроба в центральном храме; и всё же в этом гробу находится Христиан Розенкрейцер, который мёртв и жив на веки вечные и является хранителем ключей от Ада и Смерти.

Да! Ваш господин из Тиферет, дитя Удачи и Справедливости, зрит в корень!

Но он представляется весьма смешным созданием как господину из Малкут, так и господину из Кетер.

И, тем не менее, он наиболее интересный господин; и мы все должны пройти этот этап, прежде, чем просветление падёт на наши головы, способность Кетер зрить поверх Облаков, окаймляющих гору Абиэгну.

IX

Убегая и возвращаясь, как Керубим, мы можем снова попробовать преобразить нашего друга-горбуна в представительного солдата. Отклонение от темы не будет являться в полной мере таковым; поскольку оно призвано пролить свет на вопрос, касающийся ограничений скептицизма.

Мы поставили под вопрос точку зрения Малкут; было бы абсурдно с ней согласиться. Но позиция Тиферет непоколебима; Тиферет не нужно говорить о том, что Малкут абсурден. Тогда мы развернём свою артиллерию против Тиферет, которая так же терпит крах; но Кетер нахмурится в ответ. Атакуйте Кетер, и она падет; но Йециратическая Малкут по-прежнему на своём месте... до тех пор, пока мы не достигнем Кетер Ацилут и Вечного Света, и Космоса, и Ничто.

Таким образом, мы отступаем, отбивая тылы; каждый раз, когда солдат погибает от удара горбуна; но пока мы отступаем, всегда рядом с нами есть солдат.

До конца. Конец? Будда считал, что количество горбунов бесконечно; но почему бы не быть числу самих солдат несметным?

Однако так может быть, в этом и суть; горбуну требуется момент, чтобы убить своего человека, и чем дальше мы продвигаемся, тем больше времени это занимает. Вы можете растереть меж пальцев в золу царство грез мальчика, как

это и было, но прежде чем вы сможете обрушить физическую вселенную, он потребует вымуштровать своих горбунов так дьявольски блестяще, чтобы они сами стали ужасно похожи на солдат. И представляю себе, что вопрос, способный пошатнуть сознание Самадхи, мог бы дать преимущество одному из гренадеров Фридриха.

Бесполезно нападать на мистика с вопросами о том, уверен ли он, что Самадхи поможет ему поправить его плохое здоровье; это всё равно, что просить охотника быть очень осторожным, дабы не нанести вред лисице. Окончательный вопрос, – единственный, который, действительно, разбивает Самадхи вдребезги, – это такая величайшая Идея, что она достойна гораздо большего восклицания, чем все какие-либо предыдущие восклицания, за всю их вопросительную форму.

И имя тому вопросу – Ниббана.

Возьмём, к примеру, этот случай с душой.

Когда Мистер Джудас МакКэбидж спрашивает Человека на Улице, почему тот верит в существование души, Человек, заикаясь, отвечает, что он всегда об этом только слышал; естественно, МакКэбидж без труда доказывает с помощью биологических методов, что у него нет души; и с солнечной улыбкой каждый следует дальше своей дорогой.

Но МакКэбидж бессмысленно тратит свои силы на философа, чья вера в существование души зиждется на самонаблюдении; нам необходим более тяжелый металл; возможно, Юм сослужит нам службу.

Но Юм, в свою очередь, оказывается абсолютно бесполезным, будь он противопоставлен индусской мистике, которая заключается в постоянном, интенсивном наслаждении своим ново-открытым Атманом. Потребуется оружие Будды, чтобы разрушить «его» замок.

Сейчас идеи МакКэбиджа банальны и скучны; те идеи, что касаются Юма, – жизненные и зрелые, в них есть некая радость, большая, чем радость Человека на Улице. Таким образом, также и мысль о Будде, Анатта, – намного более привлекательная концепция, чем философское Эго, как у деревянной куклы, или рациональная артиллерия Юма.

Не получится ли также, что мы будем ловко владеть этим оружием, которое разрушило наше малое, наши воображаемые вселенные, когда-либо проливающие свет на ту самую, более реальную? Не получится ли, что мы будем также воспринимать взаимозависимость Вопросов и Ответов, неотъемлемую связь тех и других так, что (также, как 0 умноженное на m представляет собой неопределённость) мы разрушим абсолютизм либо вопросов (?), либо восклицаний (!) путём их чередования и уравнивания, пока в наших последовательностях?!?!?!? ...?!?!?... нас уже ничто не будет интересовать, касательно того, каким окажется окончательный символ, любой отдельный символ, который будет таким же незначительным количеством по отношению к размаху последовательности? Не является ли это последовательностью геометрической прогрессии, с положительным коэффициентом и бесчисленно бесконечной?

Тогда в свете всего процесса мы понимаем, что нет абсолютного значения амплитуды размаха маятника, хотя его ось удлиняется, его скорость замедляется, и его амплитуда шире с каждым размахом.

Что должно нас интересовать, так это анализ точки, из которой он свисает, – неподвижной, расположенной высоко надо всеми вещами! Нам, к сожалению, приходится наблюдать все это, беспомощно цепляясь за маятник и

испытывая отвращение к нашему бессмысленному раскачиванию туда-сюда над бездной! Нам следует взобраться по оси, чтобы достичь той точки, но – подождите одно мгновение! Каким тусклым и слабым стало наше сравнение! Можем ли мы придать какое-либо верное значение фразе? Я сомневаюсь в этом, видя то, что мы приняли за ограничения раскачивания. И на самом деле может оказаться, что в конце раскачивание равно 360 градусам, таким образом, точка восклицания (!) и точка вопроса (?) совпадают; но это не то же, что и полное отсутствие раскачивания, пока мы не идентифицируем кинематику со статикой. Что же с этим делать? Как же определить словами такие таинственные вещи? Неужели это так, что даже считается, будто бы истинная Тропа Мудрого лежит в совершенно иной плоскости относительно его продвижения по тропе Знаний и Транса? Мы уже были вынуждены обратиться к четвертому измерению, чтобы проиллюстрировать (если не объяснить) сущность Самадхи.

Ага, скажут знатоки, Самадхи – это не конец, а начало. Вы должны рассматривать Самадхи как нормальное состояние сознания, которое дает Вам возможность начать исследования; также, как пробуждение – это состояние, из которого вы переходите в Самадхи, сон – состояние, из которого Вы перешли в пробуждение. И только из Саммасамадхи – продолжительного транса правильного характера – Вы могли бы подняться, как будто на цыпочках, и увидеть сквозь облака горы.

Теперь, конечно же, очень мило со стороны знатоков переложить все эти проблемы на нас и сделать это так любезно и открыто. Всё что нам нужно сделать, как вы видите, – это достичь Саммасамадхи и затем встать на цыпочки. Именно так!

Но есть и другие знатоки. Да они не ладны! Мой младший брат, говорит он, давай лучше представим, что, когда маятник с каждым разом качается всё медленнее и медленнее, он должен, наконец, остановиться, поскольку ось бесконечной длины. Боже! Тогда это вовсе не маятник, а Махалингам – Махалингам Шивы (“*Namo Shivaya namaha Aum!*”), который является таким, каким я его себе всегда представлял; всё, что Вам нужно сделать – это продолжать сильно раскачиваться – я знаю – это раскачивание на крюке! – и вы достигнете его в Конце. К чему бояться раскачиваться? Во-первых, потому что Вы обречены качаться, нравится это Вам или нет; во-вторых, потому что Ваше внимание при этом отвлекается от тех громоздких мышц, в которых крюк так прочно закреплён; в-третьих, потому что, в конце концов, – это потрясающе хорошая игра; в-четвёртых, потому что Вам хочется продолжать, и даже кажущаяся видимость продвижения – лучше, чем застой. Бегущая дорожка считается хорошим упражнением.

Верно, вопрос «Почему становиться Арахат?» должен предшествовать вопросу «Как стать Арахат?», но беспристрастный человек легко подменит первый вопрос «Почему бы не?» – от «Как» не так-то уж и легко избавиться. Тогда с позиции самого Арахат, возможно, это «Почему я стал Арахат?» и «Как я стал Арахат?» имеют лишь единственное решение!

В любом случае мы теряем время – мы смешны с нашими Арахатами, как смешон Ирод Тетрарх со своими павлинами! Мы задаём жизни вопрос «Почему?» И первый ответ – это «Достичь Знания и Собеседования со Святым Ангелом-Хранителем».

Чтобы придать значение этому выражению, мы должны получить то Знание и Собеседование: и когда мы сделаем это, мы сможем перейти к следующему вопросу. Будет неправильно задавать его сейчас. «Есть

толстосумы и голодранцы, которые стоят у двери таверны и осыпают бранью посетителей».

Мы не придаем особого значения бедному Священнику, громогласно проповедующему о том, что богатый человек не получает удовольствия от своего богатства.

Ладно. Давайте возьмем том, озаглавленный «Книга священной магии Абрамелина-Мага»; или магические писания того самого святого провидца, Божьего Человека Капитана Фуллера, и полностью выполним их наставления. И только когда у нас это получится, когда мы поставим колоссальный знак восклицания (!) напротив нашего насущного знака вопроса (?); необходимо спросить, не собирается ли солдат, в конце концов, развивать искривление позвоночника.

Давайте сделаем первый шаг; давайте споем:

«Я не прошу видеть Далекую тропу. Одного шага для меня достаточно».

Но (вы, несомненно, скажете) Я уничтожаю суть самого Вашего вопроса (?) другим вопросом (?): Зачем вообще ставить жизнь под вопрос? Почему бы не оставаться «праведно живущим ирландским джентльменом», довольным своей отсталостью и презрительно относящимся к бумаге и карандашу? Не будет ли утверждение Будды «Вся жизнь – страдание» немного лучше, чем малодушная жалоба? Насколько меня волнует старость, болезнь, смерть? Я – человек, и к тому же кельт. Плевал я на распустившего сопли принца Хинду, ослабшего от разврата в первую очередь и от аскетизма – во вторую. Слабый, грязный, ничтожный бродяга, Ваш Гаутама, сэр!

Да, я думаю, мне нечего ответить на это. Неожиданное осознание некоей жизненной катастрофы могло послужить побуждающей причиной моего сознательного посвящения в подготовку Постижения – но способность была врожденной определенно. Просто отчаяние и желание мало на что способны; в любом случае, первым импульсом страха был проходящий спазм ужаса; притягательность самого пути была настоящим соблазном. Было бы также глупо спрашивать меня «Почему ты постигаешь?» как спрашивать Бога «Почему ты извиняешься?» «Это его работа».

Я не на столько глуп, чтобы думать, что моя доктрина когда-либо дойдет до всего мира. Я ожидаю, что спустя 10 веков «нареченные Кроулиане» будут таким же заразным и многочисленным образованием, как «нареченные Христиане» сегодня, поскольку (в настоящее время) мне не удалось разработать механизм для их исключения. Возможно, мне лучше стоило бы подыскать им нишу в церкви, так же, как Индуизм помогает равно как тем, кто имеет возможности Упанишад, так и тем, чей разум едва достиг уровня Тантры. Короче говоря, необходимо расстаться с притворством религии, чтобы религия могла стать достаточно универсальной для тех, кто способен для её реальности на собственной груди свить гнездо и вскармливать свою природу её звездным молоком. Но мы предвкушаем!

Мое послание, таким образом, двусторонне; жирному «буржую» я предвещаю недовольство; я его шокирую, я пронзаю его, я вырезаю землю у него под ногами, я переворачиваю его с ног на голову, я даю ему гашиш и заставляю его неистово бежать, я тереблю его задницу красным горячим языком моей садисткой фантазии – до тех пор, пока он не почувствует себя некомфортно.

Но человеку, которому уже неудобно, как святому Лаврентию на его серебряной решетке, чувствующему поднимающийся в нём дух, или женщине,

которая чувствует тошноту от первого толчка ребенка в ее чреве, такому человеку я несу прекрасное видение, аромат и блаженство, Знание и Собеседование со Святым Ангелом Хранителем. И тому, кто, таким образом, достиг той высоты, я задам следующий вопрос, дам знать о следующем Блаженство.

Мое несчастье – не моя вина в том, что мне приходится доносить это простейшее Послание.

«Мужчина имеет две стороны: одну, обращенную к миру, и другую – для демонстрации женщине, когда он её любит.»

Мы должны простить Браунингу его непристойную шутку; потому что его истина – сверхправдивая! Но, если Вы – мир, а не возлюбленный, и видите меня таким, каким Моисей видел Бога, – это Ваша собственная вина!

Противно, когда приходится проводить жизнь, поливая грязью британскую общественность в надежде, что она сможет смыть ехидную грязь со своего коммерциализма, соленые полосы своих лицемерных слез, вонючий пот своей морали, стекающие слюны своей сентиментальности и своей религии. И они не смывают это!..

Но давайте возьмем менее неприятную метафору – кнут! Как постоянно писал какой-то школьный поэт, его рифмы так же бедны, как у Эдвина Арнольда, его стихотворный размер так же неритмичен и так же хорош, как у Френсиса Томпсона, его здравый смысл и откровенная непорядочность – подстать Браунингу!

«Помочь нельзя; надо сделать –
Так что...»

Да нет же! Это очень и очень плохая рифма.

И только после кнута, который карает, появится розга, которая успокаивает, если я могу позаимствовать что-то вроде смелого сравнения у Абдулы Хаджи из Шираз и 23-го Псалма.

Итак, я предпочёл бы провести свою жизнь с розгой; изнурительно и омерзительно постоянно пороть толстую кожу британцев, которых я всё же люблю. «Тех, кого Господь любит, Он наказывает, и бичует каждого своего сына». Я буду по-настоящему рад, если некоторые из Вас пройдут через это, и придут, и сядут на папочкино колено!

Первый шаг – самый трудный; положите начало, и я вскоре сделаю так, чтобы горбун львом и солдат единорогом сражались за Вашу корону. И они лягут вместе в конце, равно довольные, равно усталые; в то время как единственная и безупречная твоя корона (брат!) будет блеснуть в морозной пустоте бездны её 12-ю звездами, наполняя ту тишину и одиночество музыкой и движением, которые тише и спокойнее, чем они; твоё древко, будет водружено на Невидимое, твои глаза останутся на том, что мы называем Ничем, потому что это вне Чего-либо, что можно осознать мыслью или Состоянием, твоя правая рука зажмет лазурную розгу Света, твоя левая рука будет сжимать алый бич Смерти; твоё тело, обвитое змеей, будет сверкать ярче солнца, ей имя – Вечность; твой рот замерзнет полумесяцем в улыбке, в невидимом поцелуе ночи, Божьей Матери звездного Самана; электрическая вспышка твоего тела, остановленная абсолютным могуществом в движении замкнется на самой себе в контролируемом неистовстве Ее Любви – нет же, вне всех этих образов – ты (Братишка!), кто проделал путь от Я до Ты, и от Он до Тот, чему нет Имени, нет Образа. ...

Братишка, дай мне руку; потому что первый шаг труден.

Перевод – Fr. Pavel S. редакция Fr. Таават Хаор